

— [Система, вылезай и будь свидетелем на нашей свадьбе.]

[Система]: [Откажусь от 996, хватит уже.]

Цзян Юньди на мгновение замер, а затем улыбнулся:

— Да, звёзды, луна, деревья и армия Галактики Сывэй за облаками — все будут свидетелями.

Е Фаньсин мысленно посочувствовал армии Галактики Сывэй, которая пришла сражаться, а стала невольным свидетелем свадьбы, но без тени смущения кивнул:

— Они проделали долгий путь, нельзя пропустить их доброе намерение.

Церковь была в плачевном состоянии, явно заброшенная десятилетиями. Люди могли жениться через программы оптического компьютера, и ритуалы стали менее важны. Но иногда именно такие ритуалы помогают людям жить и продолжать существовать.

Под звёздами и в присутствии меха армии Галактики Сывэй они поклялись быть верными друг другу до самой смерти. Ночной ветер унесёт их клятву, объявив её всему полю и небу.

— Будь то бедность или богатство, — задумался Е Фаньсин, — в следующей жизни я не буду бедным, правда?

Цзян Юньди вздохнул:

— Я буду богатым, ладно? Можешь уже произнести клятву?

— Пока смерть не разлучит нас... — Е Фаньсин подумал, что в этом мире после смерти, вероятно, будет следующий.

Цзян Юньди не стал упоминать, сколько он пропустил, и тихо добавил:

— Отныне и впредь, будь то в радости или в горе, в богатстве или в бедности, в болезни или в здоровье, мы будем любить и ценить друг друга, пока смерть не разлучит нас.

Премьер-министр с нежным и серьёзным выражением лица продолжил:

— Даже если я буду видеть тебя каждый день, я всё равно буду скучать.

Е Фаньсин долго молчал, а затем сказал:

— Уже восемь, пора возвращаться.

[Система]: [Черт, ты просто разрушаешь атмосферу.]

[Черт, боюсь, я тоже никогда этого не забуду.]

Они шли по темнеющей дороге, возвращаясь обратно. Звёзды на небе сияли, а аромат трав разливался вокруг.

Е Фаньсин побежал вперёд, а затем внезапно развернулся, подбежал и крепко обнял Цзян Юньди, принеся с собой прохладный вечерний ветер.

Во втором месяце следующего года, согласно слухам в других галактиках, армия Галактики Сывэй, которая долго не могла прорвать оборону, наконец отступила. Е Юньян был возвращён в рамках межзвёздного гуманизма, но он лишился привилегий королевской семьи и жил в крайней нищете. Никто не знал, куда он исчез, жив ли он.

Спустя много времени, зима в Крилее подходила к концу. После войны Е Фаньсин и премьер-министр некоторое время жили у моря. Никто из них не умел готовить, и в первый же день они устроили жаркий спор из-за рецептов робота, который закончился в спальне. Они спорили до самого утра.

В итоге робот был настроен на половину сладких и половину пресных блюд. Один из них, пожелавший остаться неизвестным, случайно попробовал сладкое блюдо и назвал его странным и несъедобным.

Новогоднее настроение ещё не угасло, и в день, когда последний мех Галактики Сывэй покинул поле боя, в Крилее начался фестиваль фейерверков. Снег ещё не растаял, а падающие искры плавили его.

Е Фаньсин и Цзян Юньди, надев капюшоны, смешались с толпой, чтобы насладиться праздником. Бесчисленные фейерверки взлетали в ночное небо, а в криках людей слышались смех и радость. Они крепко держались за руки, чтобы не потерять друг друга в толпе. В этом шуме Цзян Юньди пришлось наклониться к уху Е Фаньсина и говорить громче, чтобы тот его услышал.

Е Фаньсин увидел, что в его глазах отражается весь свет ночи и фейерверков, и повёл его через толпу. Вода из фонтана на площади обрызгала их, а люди вокруг смеялись и кричали, чем громче был шум, тем выше бил фонтан. Высокие здания наполняли ночь мелкими огоньками, а вода рассеивала их, как звёзды.

Они внезапно сняли капюшоны и поцеловались в толпе. Люди не видели их лиц, но дружелюбно смеялись, а конфеты рассыпались по земле, их обёртки собирались маленькими роботами.

— В твоих глазах, — Е Фаньсин не мог понять, чьё дыхание было горячее, его или Цзян Юньди, но в новом витке криков толпы ему пришлось говорить громче, — так ярко!

Свет фейерверков, свет окон зданий и цветные блики фонтана отражались в глазах Цзян Юньди, но он моргнул, и свет исчез.

— Это ты в моих глазах.

Е Фаньсин рассмеялся:

— В такую холодную зиму, мне не холодно там?

Он натянул капюшон на Е Фаньсина, а тот в ответ натянул его на Цзян Юньди. Они шли через толпу, на больших экранах вокруг играли праздничные песни, а кто-то включил фильм о любви, и люди вокруг пели песни.

Цзян Юньди наконец заговорил в более тихом месте:

— После весны я помещу туда много вёсен. Там тебе никогда не будет холодно.

[Динг, выполнение задачи почти завершено, приготовьтесь к прыжку в пространстве-времени в полночь.]

Е Фаньсин закрыл глаза, а затем открыл их с улыбкой.

Он всё ещё выглядел как юноша, его глаза всегда были полны гордости и остроумия, а когда он опускал взгляд, в них появлялась нежность.

— Только вечерние часы, утром слишком холодно, днём слишком жарко, а вечерние сумерки — самое подходящее время.

На экране неподалёку песня стихла, и голоса из фильма доносились порывами ветра.

— Как попрощаться с человеком, которого не хочешь потерять?

Они шли, держась за руки, ветер развеивал их капюшоны, и они медленно исчезали в густой темноте. Разноцветные ленты летали вокруг, а свет фонарей делал тени людей прозрачными.

Сидели на песке, где волны отступили, медленно играли пальцами друг друга, взъерошивали волосы, считали ресницы и нежно целовали закрытые глаза. Нагретый песок был тёплым, когда они менялись местами.

Звёзды на море было невозможно сосчитать даже вдвоём. Е Фаньсин запутался и, закрывая глаза Цзян Юньди, жаловался:

— Ты не считаешь.

Цзян Юньди помолчал:

— Считаю.

— Сколько звёзд слева от самой большой? — спросил Е Фаньсин.

— Ты же считал их? — усомнился Цзян Юньди в распределении обязанностей. — Ты сам ошибся?

Е Фаньсин замолчал, а затем спросил:

— А сколько у тебя?

Цзян Юньди, чьи глаза были закрыты, спокойно ответил:

— Забыл.

Они бросили бутылку с посланием в море, прошли по деревянным ступеням и вернулись в домик у моря. Робот уже приготовил два разных ужина, и пока Цзян Юньди переодевался, Е Фаньсин поменял их местами.

Робот, ставший свидетелем его проделки, хотел сообщить об этом на терминал Цзян Юньди, но Е Фаньсин, как кошмар для ИИ, просто выдернул шнур.

Цзян Юньди, сняв капюшон, расстегнул одну пуговицу рубашки и сел за стол. Увидев, что Е Фаньсин вяло ковыряет ужин, он спросил:

— Не хочешь есть?

— Ешь свой. — Е Фаньсин отвел взгляд, словно раздражённый, но тёплый свет в комнате делал его лицо мягким и нежным.

<http://bllate.org/book/15566/1385438>